

Родился он 26 октября 1926 года в посёлке Никольск Новосибирской области. Когда отца, председателя колхоза, в 1937 году посадили по печально знаменитой 58-й статье, Анатолий, совсем ещё пацан, вынужден был начать зарабатывать на пропитание семьи, так как у матери на попечении вместе с ним оставались пятеро детей. Но на одном месте парнишка долго не задерживался – как только узнавали, что он сын репрессированного, его тут же увольняли, и так неоднократно.

Когда началась война и на фронт ушёл старший из братьев, Анатолий припрятал его продуктовую карточку и обменял на хлеб, за что потом жестоко поплатился. Вот как он сам рассказывает об этом в одном из интервью:

«На фронт в начале 1942-го, под Сталинград, ушёл брат Вася, у него ещё не росла борода. Оттуда он не вернулся. А я в то же время по недоумию, по слабости характера и воли совершил тяжкое преступление – не

К 90-летию **Анатолия Зябрева**

Много ли вы знаете писателей, на издание книг которых сбрасываются сами читатели? А я знаю такого. Это красноярский прозаик и публицист, ветеран Великой Отечественной войны Анатолий Ефимович Зябрев.

сдал Васину хлебную карточку в отдел кадров, а выкупил на неё пайку хлеба и съел. Месяцы в тюремной камере, а потом – лагерь под городком Бердском (Новосибирская область) и... знаменитая Томская колония для малолетних преступников».

И далее:

«В 17 лет я из колонии был взят в действующую армию. Это было в 1944-м. После соответствующей подготовки на учебном полигоне под Омском в товарных вагонах направился наш батальон на передовую линию фронта, в окопы.

По дороге поезд подвергся бомбёжке, долго стоял на разбитых полустанках. Удивляюсь, как вчерашние колонисты, ходившие на рабочий объект, на кожевенную фабрику, под строжайшим конвоем с овчарками, теперь не разбегались. Кто-то отставал, но потом догонял. Бегали на привокзальный рынок, успевали что-то стащить у нерасторопных старух.

Было сознание, что скоро жизнь может закончиться. Доходили сводки, что потери на фронте огромные: наступать-то сложнее, чем обороняться. Красная армия в те меся-

цы наступала. Пока нас везли, командование где-то в высоких штабах передумало: не на передовую линию колонистский батальон, не в окопы, а... срочно переодеть в красные погоны и в фуражки синие с красным верхом, что значило... мы попали в самые презираемые войска – НКВД».

Ещё в апреле 1942 года ГКО учредил специальное управление, отвечающее за операции по обеспечению безопасности в тылу действующих фронтов Красной армии. Оно было в мае 1943 года повышено в статусе, получив независимость от Главного управления. В то же самое время ГКО поручил этому новому управлению новую и расширенную задачу:

«В тесном сотрудничестве с войсками полевых армий войска НКВД должны поддерживать порядок в прифронтной полосе, бороться с неприятельскими разведывательными и диверсионными группами, участвовать в строительстве оборонительных рубежей, эвакуировать промышленные предприятия, охранять и защищать важные коммуникации и объекты, конвоировать и охранять военнопленных, а также лиц, осуждённых военными судами за тяжкие преступления».

Так или иначе, Анатолий Зябрев честно отслужил положенные годы в этих «самых презираемых» войсках, прошёл в составе патрульно-постовой службы войск НКВД через Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию, Германию. Не раз, кстати, мог быть убит (много было желающих на только что освобождённых вассальных, по отношению к гитлеровскому режиму, территориях пострелять исподтишка в поддерживающих законный порядок «краснопогонников») или просто загнаться от какой-либо хвори – слабые были солдатики, очень плохо кормили их. И демобилизовался только в 1949 году.

«Я был списан по болезни, – рассказывал Анатолий Ефимович. – С массой ушибов, но бодрый и воодушевлённый. С ощущением беспредельной свободы. Голова кружилась от счастья. Теперь мне было куда вернуться: у мамы была своя комната

на улице Кропоткина, которую ей дал завод за погибшего под Сталинградом Васю. Не съёмный угол у чужих людей, а своя собственная комната в бараке, целых почти 9 квадратных метров! Верно, почти половину комнаты занимала кирпичная печь, отапливаемая дровами и углём, но всё равно – здорово. Никогда я ещё не жилал в таком просторе. В армии – койки впритык одна к другой. В колонии – двухъярусные нары. В тюремной камере – на полу, спина к спине, ноги к ногам».

Отдохнув всего ничего, бывший солдат отправился на заработки в Иркутскую область – нашёл хорошее объявление, сулившее высокие заработки. И на станции Тайшет, ну прямо как в кино, нашёл своего отца, обитавшего здесь после отбытия срока – в другие места дорога ему, как бывшему политзаключённому, была заказана.

Анатолий устроился здесь на строительство железной дороги. Но в неприкаязной его жизни уже отчётливо наметились кардинальные перемены.

«Пробовать» своё перо он начал ещё в армии – пытался сочинять романы. А после демобилизации написал очерк про знакомого рабочего. Он был не только напечатан, но и замечен, и Зяброву предложили работать в многотиражке, а затем его приглашали в штат городских газет Новосибирска. Так началась его журналистская и писательская карьера.

Первый рассказ, напечатанный в журнале «Сибирские огни», назывался «Когда бабушка спит», после было написано ещё более десятка. Из них получилась первая книга – сборник рассказов для детей «Только-охотник» (1957).

Тогда же Анатолий Зябрев обзавёлся очень полезной для писателя манерой вести что-то вроде дневников – он исписывал тетрадки своими наблюдениями, наметками будущих очерков, рассказов.

Поворотный момент, как принято говорить, в его творчестве и биографии наступил в 1960 году, когда Зябрев был откомандирован по рекомендации журнала «Сибирские огни» в Дивногорск, на строи-

тельство грандиозной Красноярской ГЭС. И Анатолий на этом объекте был не сторонним наблюдателем, а полноправным гидростроителем, освоившим несколько профессий.

Наблюдения стройки изнутри, полученные впечатления тут же трансформировались в очерки, которые Зябрев писал, что называется, на коленке, в свободное от работы время. Они публиковались тогда во многих толстых журналах, сибирских и московских, и принесли Зябреву популярность публициста, а в 1972 году вышли в Красноярском книжном издательстве отдельной книгой «Енисейские тетради».

Ему предложили должность собственного корреспондента журнала «Сельская новь» по Восточной Сибири, и эта работа принесла Зябреву большую пользу в плане сбора материалов для новых книг. «Пожар над сибирскими кедрами», «Путь героя», «Бог ты мой!», «Строители», «В степи, под Абаканом», «Сам себе король», «Мальчишка с большим сердцем» – вот далеко не полный перечень изданного им в краевых и московских издательствах.

Членом Союза писателей СССР Анатолий Ефимович Зябрев стал ещё в 1964 году, а тогда отбор кандидатур в творческий союз был очень строг. Достаточно сказать, что в советское время в Красноярском крае насчитывалось не более двух десятков авторов с членскими билетами (для сравнения – сегодня их только в двух отделениях Союзов – писателей России и российских писателей – свыше 60 человек!).

По произведениям Зябрева даже снят художественный фильм «Вот моя деревня» и поставлен спектакль (в московском театре имени Е. Вахтангова) «Енисейские встречи».

И всё же наибольшую читательскую любовь и популярность Анатолию Ефимовичу Зябреву принесли не они, а регулярно появляющиеся в течение уже дюжины лет публицистические заметки на злобу дня в старейшей краевой газете «Красноярский рабочий», которые так и называются – «Заметки каждого дня».

Это остроумные, порой ехидные, а порой кажущиеся совсем бесхитростными, но всё равно задевающие за живое отклики писателя на текущие события, происходящие во многих сферах жизни края, а то и страны, мира. Зябрев в этих заметках иронизирует, недоумевает, задаётся вопросами по поводу животрепещущих тем и предлагает найти на них ответы как самим читателям, так и облечённым властными полномочиями чиновникам.

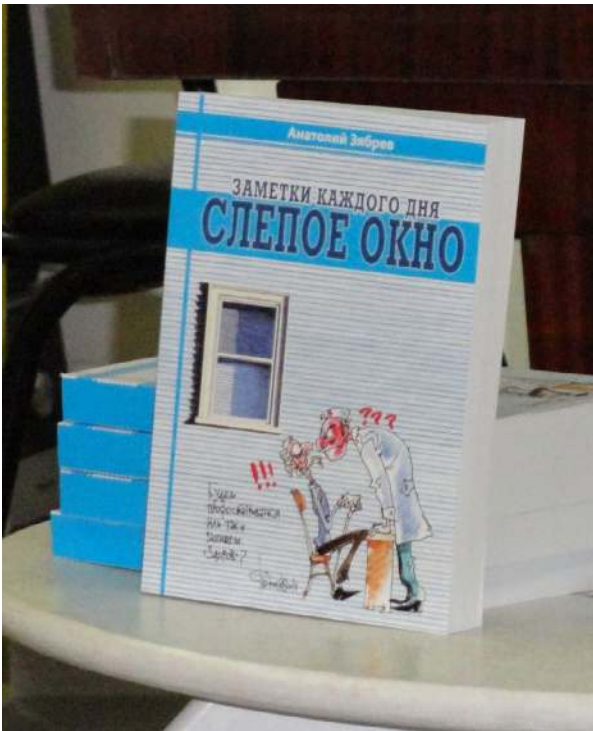
Я сам «живьём» видел Зябрева всего пару раз, мы никогда не общались, и о моём существовании он, возможно, и не подозревает (хотя допускаю, что какие-то мои публикации на глаза мэтру попадались). Тем не менее Анатолий Ефимович со мной беседует чуть ли не еженедельно посредством этих вот своих «Заметок» – раскрывая очередную номер «Красноярского рабочего» в Интернете или на бумаге, я ищу в первую очередь именно их. Ну, задевает глубокоуважаемый автор мои душевные струны, созвучны его острые, глубокие мысли моим умонастроениям.

Очевидно, нечто подобное ощущают и многие другие читатели. И когда по истечении определённого времени возникла мысль (если не ошибаюсь, с подачи одного из читателей) издать накопившиеся «Заметки» отдельной книжкой, но денег на это, увы, не оказалось даже у всесильного когда-то «Красноярского рабочего», наиболее преданные читатели Зябрева взяли да и пустили шапку по кругу.

И таким образом в 2011 году в издательстве «Красноярский писатель» вышел первый сборник – «Слепое окно», в 2013 году – второй, и вот нынче – уже третья книга публицистических заметок писателя, ставших своеобразной летописью гигантского края.

О такой популярности, когда на читательские средства раз за разом издаются твои книги, можно только мечтать! И это даёт Анатолию Ефимовичу Зябреву право, как, наверное, никому другому, называться народным писателем.

Что ещё можно сказать о неугомонном Зябреве, самом настоящем патриархе си-

бирской литературы? Несмотря на возраст (90!), он чувствует себя вполне сносно, живо интересуется всем происходящим вокруг и продолжает писать свои очень востребованные «Заметки каждого дня». А значит, не исключено издание и четвёртой книги «Слепое окно».

Пожелаем же замечательному писателю, участнику Великой Отечественной войны и просто хорошему человеку, истинному гражданину своей страны покрепче здоровья, подольше жизни и свершения всех творческих замыслов. А они у него, несомненно, есть!

Ну и напоследок предлагаю вниманию читателей журнала «Союз писателей» один из недавних выпусков в «Красноярском рабочем» знаменитых (не побоюсь этого слова) публицистических «Заметок каждого дня» А. Е. Зябрева.

Родня

Я про это уже писал. Ну да, писал. Прошу прощения, напомню.

Когда с чего-то затоскуете, прислонитесь к любимому дереву, ставшему таким (любимым), и не просто прислонитесь, а войдите в него, и оно, любимое, в вас войдёт, и постоит так какие-то минуты, не разделяясь.

Вы – и корень, вы – и вершины где-то в высоте.

И вам станет понятно, что дерево не от земли питается, а от космоса, иначе откуда бы малому квадрату почвы набраться такого количества питательных веществ, достаточных гнать соки десятки, сотни лет по стволу, чтобы зеленеть весёлым веткам – конечно, подпитка идёт с космоса.

И вы сейчас, в эти минуты, ощущаете, как поток энергии идёт по вашему телу сверху к ступням ног, а не от ступней...

Найдите эти минуты в своём режиме и сделайте это правилом – подходить и прижиматься.

И что очень любопытно: соседние деревья непременно дадут вам знать, что вы им не посторонний, а родня, самая близкая родня.

Не умею писать такие тонкости. Но моя берёза находится у основания небольшого взгорка, я вижу её из окна. До прошлого года береста по всему её стволу была чистой и очень белой, но кто-то (беспутный) поджигал на взгорье траву и ствол прикоптился дымом. Риск случиться лесному пожару и сгореть моему дереву был очень велик, Бог сохранил.

Найдите же своё дерево, доверьтесь ему. И оно к вам потянется, доверится.

Уже не первый сентябрьский иней лёг на огород. Подмёрзли, потемнели, свернулись в трубочки листья тыквы, кабачков, окончательно пожухла крапива.

А ничего не делается топинамбуру, он по-прежнему полыхает оранжево-солнечным светом. Что же это за сила такая в растении-сорняке?

Все знают о невероятной пищевой ценности клубней топинамбура. Однако никто

их не копает, остаются гнить в земле. Не был принят этот овощ нашими предками, не прием, значит, и мы, хотя какого-то антиоксиданта в нём открыто учёными больше, чем во всех огородных овощах вместе взятых.

Пробую разьяснить людям. Вчера вот привёз одного коллегу, дал ему вилы, лопату – копай, говорю. Глядит, пятится – разве он дурной, дескать, сорняк-то копать...

Убить царицу?

В огороде завелись муравьиные кучки. Сметливые борчане советуют воспользоваться «Громом-2», завезённым в хозмаг, который убьёт муравьиную царицу, что живёт на глубине полутора метров, а все муравьи сами пропадут.

Малодушен я. Убить царицу? Не решаюсь этого-то сделать? Не решаюсь. Потому что в голове возник жуткий вопрос: а не убил ли кто нашу царицу? Ещё миллион лет назад, когда мы, люди, ещё не назывались людьми, а как-то по-другому назывались, и когда ещё жизнь не делилась на два света, на «этот» и «тот», а был везде один свет...

Не убили ли нашу царицу, оставив нас доживать? Прости грешных, Господи!

Сижу, думаю. Не вредно ли думать?

Политика

Один серьёзный красноярский журналист, чья партия, явно патриотическая, проиграла на выборах, спросил у меня:

– Почему Путин, возделавший себе грядку, явно не проявляет охоты, чтобы мы помогли ему выпалывать выросшие сорняки?

Я очень удивился такому вопросу, потому как политикой не занимаюсь и не хочу заниматься, полагая, что людское стадо проживает по каким-то другим измерениям, не размышлительным.

Что же касается грядки и сорняков на ней... Скажу, что баба Тоня, баба Вера, как и другие борчане, выращивая небольшой традиционный набор овощей, дико борются с одной популярной мелкой травкой, про

которую я уже не раз писал, в том смысле, что она, эта травка, по доказательству учёных-диетологов, очень и очень полезна в питании и по витаминам могла бы заменить многие другие вместе взятые трудоёмкие овощи.

После каждой моей газетной публикации огородники в посёлке непременно захотят, повстречавшись со мной, и крутят пальцем в висках.

А между тем путинская грядка стоит неполая. И дойдут ли у самого руки когда? И охота пропалывать есть ли?

На огороде думать про политику много ли проку, как и в политике – про огород.

О поэзии

Спрашивают меня о поэзии, далеко не поэта. А что я могу сказать?

В последнее время я не встречал поэзии, какая бы потрясла меня так, как стихотворение Нины Гудковой из Саратова, посвящённое Агафье Лыковой, прочитанное мною в «Красноярском рабочем» от 2.09.2016 года. Привожу ещё раз полностью, извиняюсь.

*Твоё имя в России известно.
Влюблена ты в родную тайгу.
Без неё не находишь ты места
На уютном чужом берегу.
В лес одна ты идёшь
на свиданье –
Друг давнишний там
ждёт дорогой.
Тебе дарит за испытания
Свой кедровый орех золотой.
Как горька твоя женская доля!
Как суров был
отцовский наказ:
«От людей я видал много горя.
Ты людских сторонись,
дочка, глаз».
Лёгкой жизни себе не искала.
И с великою верой в Христа
Ты невестой тайги
смелой стала,
Там, где сосны глядят в небеса.*

*У избушки медведи покругжат
И исчезнут в дремучем краю.
Они чуют бесстрашную душу,
Непреклонную веру твою.*

Моменты

На месте сгоревшего на Заречной улице продовольственного магазина появился контейнер с теми же функциями, а в нём – молодая продавщица с пышными, красиво спадающими на плечи волосами, которой абсолютно противопоказано работать в общественной системе: её взгляд, её весь вид, выражающий нескрываемое чувство отталкивания.

У контейнера дежурит дешёвенькая машина с распахнутой дверцей, в дверцах, положив одну руку на руль, другой рукой подпёрши свой подбородок, сидит молодой мужчина, глаза у него добрые, и весь он добрый, это, догадываюсь, муж продавщицы, а может, ещё и не муж, а только жених.

Один покупатель, юморист, выйдя из дверей контейнера, обращается шутливым тоном к молодому человеку:

– Слушай, ты её или мало бьёшь или совсем не бьёшь?

Обслужившись тремя булками хлеба (всегда беру хлеб с запасом, чтобы больше сюда не ходить), я иду назад и всю дорогу думаю об одном и том же, и не в шутку, а всерьёз: мало бьёт или совсем не бьёт? Мало или совсем?.. Мало или совсем?.. Всю дорогу... Одно и то же. И весь день тоже...

Не бить-то нельзя. Какая-никакая. Жалко. Пропадёт баба. В иные моменты с такой серьёзной мыслью гляжу на свою Т. Ф. (Тамара Фёдоровна, супруга А. Е. Зябрева, – М. В.) Как-никак 50 лет прожили, будем дальше...

Звонила из Боготола Надежда Ивановна и рассказала, как в прошлое воскресенье она возила в краевой центр своих мастеров народных ремёсел для участия в выставке.

Выдающаяся женщина эта Надежда Ивановна. Ни дня не может прожить без того, чтобы что-то где-то не организовать,

чтобы о ком-то не заботиться. Это качество в её характере с комсомола, в который она вступила более чем полвека назад и руководила райкомом. Ох, как нуждаемся сегодня мы, ослабленные духом, в таких, как Надежда Ивановна, дающих свет, говорят мне, в любой обстановке.

Кстати, на этой выставке-продаже была Тамара Фёдоровна, ей что-то там подарили для кухни.

Укоротился день

Тоскливо, грустно мне становится, когда сижу на даче и в окно вижу, как быстро укорачивается день и удлиняется ночь. Ещё неделю назад, встав с постели, мог я разглядеть черту горизонта, а теперь едва просматриваются в темноте крыши соседних домов.

Тоскливо и грустно от того, что в 6 утра лишь в редких домах посёлка загорелись огни. Спит народ. На длинной улице Заречной, тянущейся на версту, проснулись лишь в нескольких домах. Это те, кто не хочет бросать крестьянское дело и держит скот, и те, кому надо успеть на автобус, чтобы ехать на экскаваторный завод и в «Сибиряк» на бетонный завод, где они устроились работать. Остальному народу незачем просыпаться и вставать с постелей.

Да, укоротился день, удлинилась в народе (в народе?) ночь.

А между тем торжествует владелец отеля в итальянском местечке Форте-дей-Марми, потому что россиян в его местечке становится всё больше. Россиян, которые садовникам платят по 100 евро чаевых, а официантам по 1000.

Из Лондона один русский приехал на своей яхте, забронировав целый этаж. Другой русский, бывший губернатор Московской области (как его фамилия-то? Впрочем, какая разница), прибыл тоже на собственной яхте, прибыл оттуда же, из Лондона.

Укорачивается свет дня, удлиняется ночь.

Наш Ванкор даёт суперприродные результаты своего освоения, сообщает пресса.

Значит, в итальянском местечке прибавится русских, которые приплывут на своих скоростных яхтах...

Что? Говорят ли про это люди в Борске? Обсуждают ли? Нет, не говорят. А зачем? – задают они мне вопрос. А верно, зачем? – задаю я сам себе вопрос.

Гляжу в окно. Борск спит, как и вокруг сотни посёлков... Сотни!

Не спят в итальянском местечке Форте-дей-Марми. Ждут там новый вал славных людей из России.

Р. S. Прошу прощения, не может не думаться недоумку Зябреву о том, что же станут делать официанты, получающие от россиян по 1000 евро чаевых, обзаведутся личными скоростными супер-яхтами, куда им плыть, не в Россию же. К нам – глядеть на Ванкор? Ха-ха!

Укорачивается день, удлиняется ночь, Зябрев сидит у окна, совсем темно стало, не видно даже крыш домов...

Опять посылка из Германии

Вера получила очередную посылку от правнучки, живущей с родителями в Германии: колбасы, конфеты и прочее продовольствие немецкого производства. Правнучка очень любит прабабушку, одиноко живущую в Сибири, прабабушка очень любит правнучку.

Правнучка учится в медицинском колледже, у неё на первом курсе стипендия была 800 евро, нынче, на втором курсе, 1000 да ещё с лишним, и она балует прабабушку частыми посылками исключительно за свой счёт. Все-му посёлку Вера об этом рассказывает, и кто заходит, угощает и колбасой, и конфетами.

Я думаю о своей внучке Кристине, она тоже учится в медицинском колледже в Красноярске, у неё стипендия в 50 раз меньше, чем у Веринной правнучки, и, чтобы жить, она устроилась в магазин кассиром в вечерне-ночную смену за 7 тысяч рублей, домашние задания выполнять нет времени, на лекциях дремлет.

Что же мне думать, сопоставляя две жизни?

О чём мечтает моя внучка Кристина? Через полтора года получит диплом в своём колледже, найдёт в Красноярске себе работу по образованию на полторы ставки, будет получать 20 тысяч рублей, и тогда не будет нужды ходить ночами в магазин на подработку в кассе.

Правнучка Верина не мечтает. Она знает, что через полтора года после получения в своём колледже диплома ей предложат работу по образованию с зарплатой в 3 тысячи евро (200 000 рублей), и она будет очень хорошо исполнять вверенную ей работу, чтобы отец-немец, мать-русская, бабушка-русская, прабабушка-русская ею гордились.

Есть мечта и у прабабушки Веры. Собраться и поехать погостить у правнучки и заодно подобрать там по своим ушам слуховой аппарат, в Красноярске же много раз покупала по рекламе, а толку никакого, лишь трата пенсии.

А что дед Зябрев? Дед Зябрев сидит и разрешает вопрос: что же лучше – мечтать или знать? Мысли Зябрева склоняются к тому, что первое всё-таки предпочтительнее – мечтать, фантазировать. Но... э-э... О чём мечтать-то? Ну, э-э... Хотя бы о подобранном слуховом аппарате. О немецкой колбасе... Об удачной заметке для капризного Павловского (редактор газеты «Красноярский рабочий» – М. В.)... Не о фантастических же 3 тысячах евро (200 000 рублей), заработках у того же Павловского!!! Смешно.

Р. S. Прошу опять же прощения. У меня есть большие претензии опять же к президенту-разведчику. Почему не разведает, откуда такая жизнь у правнучки Веринной. Ведь у них там нету ни Ванкора, ни новых скважин, ни золотиносных шлейфов. Что? Недосуг самому? Дак отправь кого-то, поручи. Некого? Все сообразительные – в политике?

Ну, э-э... извиняюсь. Меня пошли, поеду, справлюсь. Тем более что секретов они из такого вопроса не делают. Да и там друга навещу, с которым мы когда-то вместе на КраЗе работали, он-то мне всё и расскажет, у него внучки, как и у меня. А заодно

и разведая, как они там у себя поступают с бытовыми отходами, ведь не заваливают миллионы гектаров своей земли. А может, придумали, творят что-то такое, что и Ван-кор не особо требуется, а?

Разведая (лазил я там, рядовой солдат-краснопогонник со штыковым карабином в марте – мае 45-го). По ихним свалкам полазаю, если таковые там обнаружу, как в моём Борске.

Был русский язык

Вот уж вчера хохотал я, хохотал! Впрочем, и сегодня хохочу. Впрочем, хохот сегодня у знаменитого писателя Зябрева заметно слабее, проступает печаль. Глубокая печаль.

«Рейтинговая оценка производства молока».

Что это такое? А кто же из нормальных знает, что это такое?

Напечатано крупно над таблицей в газете «Красноярский рабочий». Раньше такое озаглавливалось «Надои по краю».

Похохотав, взял я вчера газету и пошёл по тем редким подворьям, где ещё есть корова. Выявил, что ни одна хозяйка не знает такую терминологию. Хозяйка Женя содержит 4 коровушки, пользуется доильным аппаратом – ничего не поняла, как и её гость писатель.

Печаль. Для кого ж тогда это? Прежде было по-русски: «Надои по краю».

Ужель и на Павловского жмут: давай, дескать, так, чтоб в конце-то концов никто ничего ни в каком вопросе не понимал, чтобы все запутались. Простое и ясное обратить в неясное? – спрашивают меня. Ох, спрашивают того, кто уж давно запутался – и хохочет, тронутый, прошу прощения.

Марат Валеев, г. Красноярск

Библиография Анатолия Ефимовича Зябрева

- Заметки каждого дня. Слепое окно. Красноярск: Красноярский писатель, 2011.
- Писатели на берегах Енисея, XIX–XXI вв.: антология короткого рассказа. – Красноярск: Семицвет, 2009. – (Библиотека «Нового Енисейского литератора»).
- Какие наши годы: поэзия и проза. – Красноярск: Продвижение, 2006.
- Жизнь прожить: избранная проза красноярских писателей. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1987.
- Высокое небо: повести, рассказы, очерки. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1987.
- Сам себе король: повести, рассказы. Москва: Советский писатель, 1987.
- Путь героя: Повести, очерки. – Москва: Современник, 1983.
- Енисейские тетради: повествование. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1981.
- Кто, если не мы: Очерки. – Москва: Молодая гвардия, 1983.
- Канско-Ачинский. – Москва: Советская Россия, 1983. – (Писатель и время).
- В степи, под Абаканом. – Москва: Советская Россия, 1979. – (Писатель и время. Письма с заводов и строек).
- Боль и надежда: рассказы, очерки, эссе, стихи. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. Зябрев, Анатолий Ефимович. Бог ты мой!: (хроника рабочей бригады на строительстве Красноярской ГЭС). – Москва: Советский писатель, 1979.
- Борус яснолобый: очерки. – Москва: Современник, 1978.
- Бог ты мой!: (хроника рабочей бригады на строительстве Красноярской ГЭС). – Москва: Советский писатель, 1971.
- Дорога в легенду. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1966
- Енисейская тетрадь: лирические записки. – Москва: Молодая гвардия, 1962.
- Кроличий остров. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1962.